

КРОКОДИЛ

Москва.

Воскресенье, 17 декабря.

1922 г.

Ковер-самолет.

Рис. Д. Моора.

— Петр найдет свой путь в Москву.
(Из речи негра Мак-Кей на IV Кон-
грессе Коминтерна).

...Через горы, через доли, через море-окиян на волшебном самолете прилетают наши братья—Пролетарии всех стран...
(Из новой сказки)

КАК ОНИ РАЗОРУЖАЮТСЯ.

Совроссия, рачительная, миролюбивая хозяйка, надев очки, просматривала свои расходы. Их было много. Столбы цифр были широкими, многозначными. И хотя Советская Россия укорачивала их, зачеркивая нули, цифры продолжали шириться.

— Да! — вздохнула Россия, — ничего не поделаешь, нужно экономить. На чем только? На просвещении? Или думать нечего. По Наркомздраву? То же самое. Ага, вот, Красная Армия. На ней-то сэкономить не грешно. Воевать я не охотница. Только вот соседи народ беспокойный, армии у них. Ну да ведь и им это в кошечку влетает. Предложу-ка я им разоружиться, вот и сэкономим.

Советская Россия назвала Литвинова и сказала:

— Вот что, сынок, сообрази-ка ты моих соседей: Литву, Латвию, Польшу, Румынию, Эстонию и Финляндию, и предложи им разоружиться. И экономии от этого много будет и драк меньше.

— Хорошо, мамаша, — сказал Литвинов, и пошел созывать соседей на конференцию по разоружению.

На приглашение в Москву съехались все, за исключением Румынии.

— Видите ли, — сказал Литвин в галстук, — а Польша, — она очень хотела приехать, но ей сейчас некогда. Занята вопросом вооружения. Но она мирно настроена. Вот тут у меня в кармане ее доверенность на получение Бессарабии.

— Ну-с... господа, — сказал Литвинов, — приступим к разоружению. Кто первый?

— Чо вы! Чо вы! — замахали представителями руками, — разве так можно! Вдруг у нас разоружатся! Сначала нужно создать комиссию, да без всяких представителей неати. Журналисты, сами знаете, народ отпетый. Сейчас все растрезвонят.

— Так что ж из этого? — удивился Литвинов, — мы же не зорным делом заниматься будем! Зачем же держать в секрете?

— Нет уж, — уперли представители, — извините. Гласно мы не согласны. Обсудим сначала келейно, так сказать, разоружимся морально, а уж потом...

— Чудки вы, — пожал плечами Литвинов, — ну уж если вы так хотите, что ж, начнем с комиссии.

Перешли в комиссию.

— Так что-ж, — опять спросил Литвинов, — начнем разоружаться?

— Позвольте мне слово, — сказал представитель Польши.

— Господа! Прежде чем приступить к обсуждению самого вопроса о разоружении, позвольте мне указать на более главное, а именно — на атмосферу. Что такое атмосфера? Атмосфера — это то, чем мы дышим. Следовательно, в плохой атмосфере мы дышать не можем, а посему следует создать такую атмосферу, в которой наши занятия протекали бы с успехом. Я хочу создать атмосферу доверия. В ней, а не в разоружении суть. Атмосфера — вот корень вопроса. И в даром 350 цивилизованных государств признали атмосферу самым важным условием для гарантий их добрососедских отношений. Поэтому я предлагаю заняться не таким пустяковым вопросом, как вопрос о разоружении, а выработкой резолюции об атмосфере.

Слово взял Литвинов.

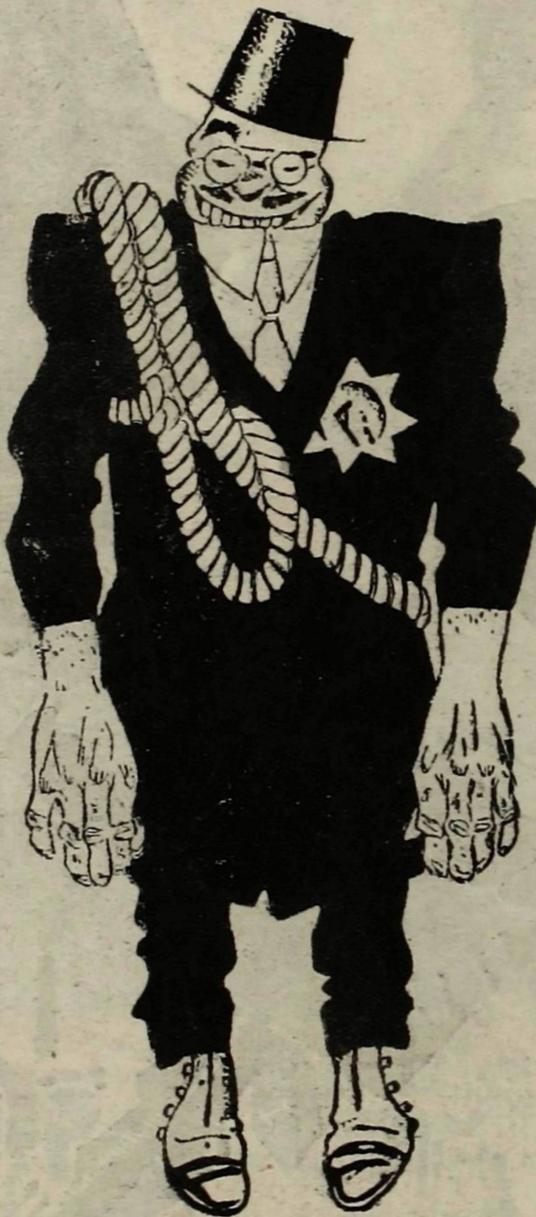
— Я, — сказал он, — не понимаю, при чем тут атмосфера? Я слышаво вас: хотите ли вы разоружиться? От слов перейти к делу? Москва не Генуя и не Лозанна. Здесь не любят заниматься словоизвержением, а делают дело. И ах, кто желает разоружиться?

Представители закашлялись, начали сморкаться, а представитель Польши встал и заявил:

— Ваш вопрос нас только серьеен, что я прошу отложить заседание до завтрашнего дня. Мы сейчас создадим комиссию, обсудим, потом запросим Пуанкаре... виноват, наши правительства.

— Хорошо, — сказал Литвинов, — запрашивайе ваших министров.

В Латвии министром иностранных дел назначен меньшевик, известный своей работой по разгрому рабочего движения. Им передано на повешение 23 члена съезда профсоюзов. Из газет.

Веревка порешенного приносит счастье.

— Ну что, сынок, — спросила Советская Россия Литвинова, — как у тебя голова гается разоружение?

— Да что, мамаша, — вздохнул Литвинов, — вы сами знаете какой это народ! Его припрешь к стенке, а он норвит увидьнуть в комиссию. Говорит, а сам на Пуанкаре да Керзона оглядывается. Боюсь ли, мамаша, что ничего из наших разговоров путного не выйдет.

— Так, так, сынок! — вздохнула Совроссия, — значит не удастся сэкономить на Красной Армии. Ну, что-ж. Какнибудь перебыюсь.

Совроссия вышла и сказала красноармейцам:

— Вот, детки, хотела на вас сэкономить, да соседи неподатливы. Так вы уж того, винтовочки держите в готовности. Атмосфера уж боюсь о нефтью пахнет. Архип.

Как Глупышкин стал редактором.

«Ташкентцы»

В редакции «Турк. Правды» получилась телеграмма:

МОСКВА, 17. (Роста) 1-й № «Вопросов Страхования», двухнедельного органа московского губстраха вышел с обложкой дореволюционного петербургского органа того же названия. Редакция журнала продолжает дело старых страховиков и приглашает их к сотрудничеству.

Редактор Глупышкин (виноват, Комглупышкин!) подошел фельетониста «Бека» и сказал:

— Видал миндал?.. Куда нэп-то ведет?.. Уже и страховики вылезли... Со старой обложкой журнал выпускают. Ведь это демонстрация, братец! Наша, дескать, взяла. Опять дореволюционный журнал выходит. Революции как будто и не бывало... Загни-ка им, братец, покрепче... Губстрах... Я бы вам показал «Губстрах». Нету на вас настоящего страху... Вот в 18 году, бывало..! Через полчаса фельетонист принес:

— Готово!

И в № 103 «Туркест. Правды» появился фельетон под заглавием «Вопросы Страхования», из которого приводим половину:

И вот для назиданья:

— Традиции хранить, — «Вопросы Страхования»

Вновь стали выходить.

Подграсидись немножко

В веселый рыжий цвет,

Но старая обложка

Прекрасных прежних лет.

Пусть многим глаз и режет —

Редакция тверда.

Сотрудники все те же,

Знакомая орда:

Профессор Душегубов,

Вацмордин генерал,

Кутыша Меднотрубов

И Тряпкин либерал.

Знакомые приемы,

Спасительный будак...

Нечестного салона

Разнузданный кабак.

Как затесалась «Роста»,

Зачем-точу я знать,

Компанию прохвостов

Той «Росте» возгвалять.

Сказать бы можно много,

Да лучше помолчать...

Прокладывай дорогу,

«Свободная» печать...

Стихотворение, по совести, не очень плохое. Одна беда: «Вопросы Страхования» были большевистскими в 1913 году, и сейчас в 1922 году таковыми же остались. Во время войны это был единственный уцелевший большевистский орган. Сотрудники его в общем были те же, что и в «Правде».

«Сотрудники все те же

Знакомая орда...

Пишущий настоящие строки был первым секретарем редакции «Вопросов Страхования» вплоть до ареста в ноябре 1913 г.

Я считаю, что «Турк. Правда» несколько преувеличила, назвав «компанией прохвостов» и «разнузданным кабаком» редакцию «Вопросов Страхования».

Не согласится ли ташкентский Комглупышкин исправить свою маленькую ошибку. А еще лучше — занялся бы чемнибудь попроще. Ну ее, газету!.. Канитель одна. Л. Сосновский.

МУЧЕНИК СЕВАСТЬЯН.

В поход против рабочих корреспондентов ополчались все темные силы, враждебные рабочему классу. Но эти мученики рабочей печати стоят на своем посту, не страшась ничего, даже самой смерти. (Из газет.)

Рис. М. Черемных.

М. Черных 27

Редкая голова первой четверти XX века.

Колоссальные расходы.

Рис. И. Малюткина.

Французским правительством утверждены расходы, врезав деньги на Врангеля. Расходы эти равны 150½ мил. франков. («Труд»).

Французский рабочий: — Нам бы прибавочку...

Чиновник: — Вам и так платят слишком много. Вы видите, какие у нас колоссальные расходы.

Нашествие барышень.

Глаза из истории России *).

В нашем аппарате так много пристроек и надстроек, что трудно видеть, где и как размещается советская барышня на новой советской службе.

Аппарат съедает не только прибыль, но и часть основного капитала. „Известия“.

В 1922 году, после того, как советская Россия пережила нашествие Колчака, Деникина, Грамеля, Сычюго Тифа и Голода, на нее обрушилось новое бедствие, известное в истории под названием „нашествия Барышень или Севбарышень“.

В точности невозможно установить, к какому роду и виду принадлежали означенные существа, но вред, приносимый ими, был огромен: по дошедшим до нашего времени сведениям, они поедали до одной трети всего собираемого государством хлеба, а равно еще не установленный исследователями процент вырабатываемых на фабриках продуктов. Такая прожорливость дает основание предполагать, что мы имеем дело с насекомыми. Размножались эти насекомые посредством почкования: всюду, где возникало учреждение, заводилось одно такое существо, — это существо приводило двух знакомых или родственников, те в свою очередь каждый еще по два экземпляра и т. д. Это называлось „устроить на службу“.

В одной Москве, по статистическим данным, скопилось их до 239.000 или, если перевести на наш счет (в то время считали в девзяках 1922 года, т. е. уменьшали настоящую сумму в десять тысяч раз), то их было 2.390.000.000 экз. или почти в два раза больше, чем население всего з много шара в то время.

Неизбежной принадлежностью „барышни“ была так называемая „машинка“, при помощи которой они вероятно пережевывали свою пищу и производили шум. Шум этот был так велик, что многие ответственные работники стали глухи к нуждам избравших их рабочих и тогда, чтобы добраться до них, приходилось перейти через трупы нескольких тысяч барышень.

Вероятно в связи с появлением этих насекомых стоит и так называемый жилищный кризис: они занимали огромную площадь жилых помещений и рабочим приходилось находить себе приют на колокольнях, на балконах домов и т. д. (см. „Крокодил“ — один из главных источников современного историка). Кормление их обходилось чрезвычайно дорого и это вызвало падение курса рубля и т. п.

Борьба с ними была весьма затруднительна, потому что нельзя было установить, где находятся их гнезда — так называемые „тресты“ и „учреждения“. Устраивались специальные „недели очистки“, „переписы“, „сокращения“ — но после всех этих мер число их доросло до 2.460 миллионов.

Как удалось избавиться от этого бедствия — неизвестно. Но надо думать, что усиленная дезинфекция, соединенная с тем способом борьбы, который в то время носил название „деденоминации“, произведена (была) в 1923 году, при чем 1.000.000 барышеньбыл принят за

одну с соответственным уменьшением получаемого ими пропитания. Эта мера позволила справиться со столь громадным общественным бедствием, поа-

звившим Россию на пятом году после революции.

Маттеус Кредитиус.

(Корреспондент из будущих времен).

Рис. Д. Моора.

*) Настоящие сведения почерпнуты из вновь открытых в 1934 году материалов одним знаменитым ученым, жившим в воздушном замке на том месте, где в 1922 году находился Северный полюс.

ПОЭМА О СЕБЕ.

Ноги сами про себя
стишка не составим,
то такой чести
от других и не жди.
Трески,
а ни одного поэта,
хоть ты три года на углу стой,
не вдохновишь...
Такова наша служба
неприглядная,
серая,
милиейская,
одним словом...
Где-нибудь на углу Садовой
нулика шь с утра до вечера,
А с вечера опять до утра
И морозишь назенные дырки.
А тем, кому делать неч го,
в автомобиле, — в р. сторан.
Фырняют
на тебя бензином
и рылом эплов ким:
„Образина
стоит, как пень
ни вида,
ни формы...
Городской был... ох“...
И вздох...
Тебя-б на милицейскую норму:
выправил бы под собой
автомобильные шины...
Образ на..
Без смеч
сутии на посту!
До цен
с милицейского оклада
не долеешь ни с кант лестниц:
в месяц

„Красенькая“!..
Форжа.
Годовая норма:
Надел — до следующего юбилея носи,
Сносил — проси,
просить разрешается:
Рапорт Начотделения,
нач-отношение
в Отделе Снабжения

РЕЗОЛЮЦИЯ:

„Нет
Ни копейки
кризис финансовый,
общегосударственный“
и прочее...
Резолюция эта политруку:
(политически твердый и из рабочих,
преуспел всю партнауку)
Твое дело — политическое,
уснащивай
милиейские массы,
срачивай
дисциплину и пустые кассы...
И вот
резолюция
другая, снизу:
„Мы,
сыны Революции
шлем привет“...
И... на две страницы,
в уголке Начальническая виза:
„Послать выше“,
а вверху
новаз резолюция:
„К делу“.
(Пока не возбудится дело
с каного — нибудь поста
на углу Садовой
снова)...

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ.

Рис. Д. М.

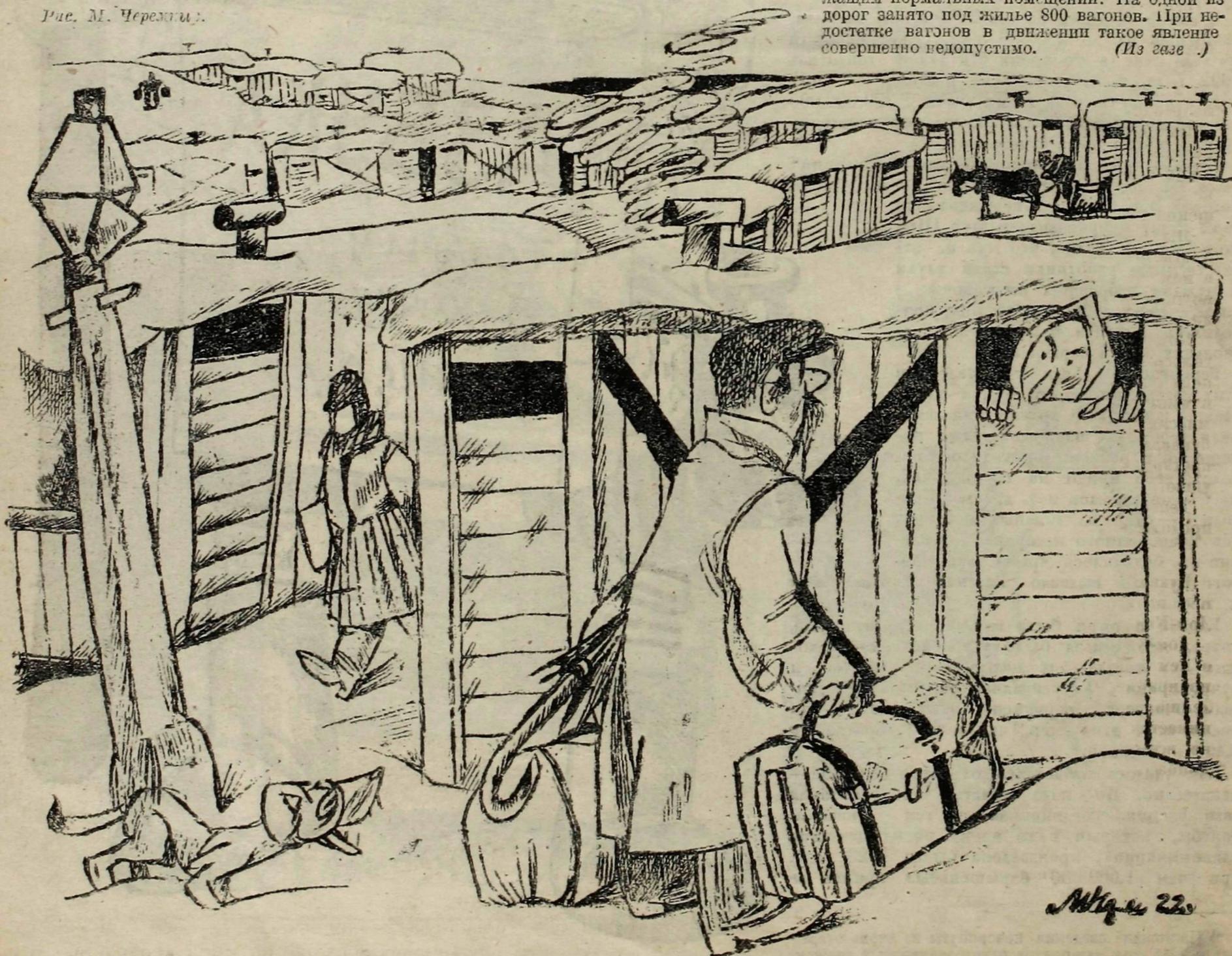

Так
и живем
покамест
из-за угла „Ноганом“
не угостит какой-нибудь поганец...
И поэтов
для нас нету,
пишем о себе поэмы сами...
Красными жезлами
парочку вдохновили
и все...
Да на всех поэтов жезлов не заказ-
жешь:

по смете —
не сочтешь нулей в уплату,
ни одному милиционеру не пока-
жешь:
— „На жезлы эти есть,
а нашему брату
за работу в уплату
нет“...
Лучше с поэтами не связываться —
пусть поют о НЭП-е,
веселее им и нам дешевле...
Красный жезл.

Центран и НКПС решили принять экстрен-
ны меры к освобождению занятых под жилье
вагонов и к предоставлению рабочим и слу-
жащим нормальных помещений. На одной из
дорог занято под жилье 800 вагонов. При не-
достатке вагонов в движении такое явление
совершенно недопустимо. (Из газет.)

Рис. М. Черемин.

— Тетенька, где мне тут товарища Бездомного найти?
— А вон ступай за угол, там извезчика наймешь. П.шжом то далече; вереты, чай, три будет.

НА ИСПОВЕДИ.

Рис. Д. Мельникова.

Большая энциклопедия „Крокодила“.

Мы очень извиняемся за происшедшее недоразумение... Россия № 2, белогвардейская, вообразила недавно, будто в Московский Совет избрано сорок тысяч одних правых эсеров, которые отслужили по этому случаю благодарственный господу богу молебен и помазали на царство Пуришкевича. Кроме того (так рассказывали за границей), на небе появилось знамение, а испорченной жене Кусковой было видение.

Все это вообразилось России № 2 потому, что «Крокодил» № 16 вышел в свет без «Большой Энциклопедии».

Нам очень жаль разочаровывать Россию № 2... И все-таки мы должны сказать что напрасно она развоображалась.

Ничего такого не было. Вообще, не было ничего особенного. Но была «неделя помощи школе», — и Крокодил, никому ничего не сказав, и жертвовал на нужды просвещения наш букварь.

Мы довели Энциклопедию до буквы «Г». Хватились, — букваря нету! Какие еще были в нем буквы?... Ответить на этот вопрос по памяти или по догадке мы, разумеется, не рискнули.

Конечно, издательство сейчас же озабочилось приобретением нового букваря. Но, пока составлялась смета, пока утверждался и выписывался аванс, пока работала комиссия по изучению сравнительных цен на буквари, пока нашли на Бирже Труда секретаря для ведения протоколов, — время ушло.

Теперь букварь, наконец, приобретен. Мы продолжаем.

Д.

Буква, как буква. Известна тем, что с нее начинаются многие испанцы, — напр.: Дов-Кихот, Донбасс.

Дов-Кихот давно помер: нечего, значит, о нем и говорить. Донбасс — этот еще жив, но крайне нуждается и бедствует. К сожалению, значение иностранных слов воспринимается у нас очень медленно и туго; еще не всеми осознано поэтому и значение Донбасса... А то бы мы давно помогли ему!

Дензнак.

Печатное пособие по высшей математике, очень полезное при изучении бесконечно-больших, бесконечно-малых и т. п. «мнимых» величин. Астрономам облегчает усвоение «астрономических цифр».

Кому мало этих сведений, тот пусть смотрит слова: «Налог», «Наркомфин», «Рубль» (целковый), «Ревтрибунал», «Расхищение

народного достояния». Здесь мы ограничимся лишь примечанием, что миллионы в дензнаках 21 г. можно переводить на дензнаки 22 г. или на золото. Можно переводить их и иначе... Но не пытайтесь переводить на золото, например, миллион советских служащих: ничего не выйдет! И, вообще, никак их не переведешь...

Доходы.

Нечто, подлежащее обложению налогом. Жалованье, получаемое за работу, доходом, в большинстве случаев, не считается. Некоторые граждане так прямо и говорят:

— Жалованье у нас (в ЦЖО, на железной дороге) пустяшное, но зато есть «доходы».

И садится на скамью подсудимых.

Дондук.

Князь, который заседал потому, что у него имелась необходимая для этого занятия часть тела (не голова); на голове никто не сидит. Нынче князя отменены, но Дондуки остались.

Все наши ведомства чрезвычайно озабочены вопросом о сокращении количества заседаний и комиссий. По слухам, для практического разрешения этого вопроса учреждена междуправительственная комиссия, которая и заседает.

Е.

Эта скромная буква славится тем, что взяла на себя выполнение обязанностей «ля» без освобождения от основной партийно-советской работы. В результате, последовало безболезненное сокращение штатов русской азбуки.

Какой пример должны мы видеть в этом! Какой урок!..

Екатерина.

Их две: Брешко-Брешковская и Кускова. Которая поекатеринистей, — трудно сказать, да и не хочется нам обижать ни правых эсеров, ни правых меньшевиков. Пусть и у тех, и у других будет по своей собственной «бабушке»: жалко нам, что ли?

Вообще, сказать о них нечего. Живут себе божьи старушки... Пили кофей намеренно, но безо всякого удовольствия.

Ем-пе-о.

Его такое учреждение, которое кормит лме...

Извиняемся. «Крокодил» внезапно опрофсоюзился и заявил нам, что мы не имеем никакого права эксплуатировать букву «Е». По его толкованию, нужно писать не «ето», а «это», и не «Емпео», а «Эмпео». Буква «Е», дескать, никогда не бралась работать за «э» обратное, — да и нельзя, мол, наваливать на человека столько сверхурочных.

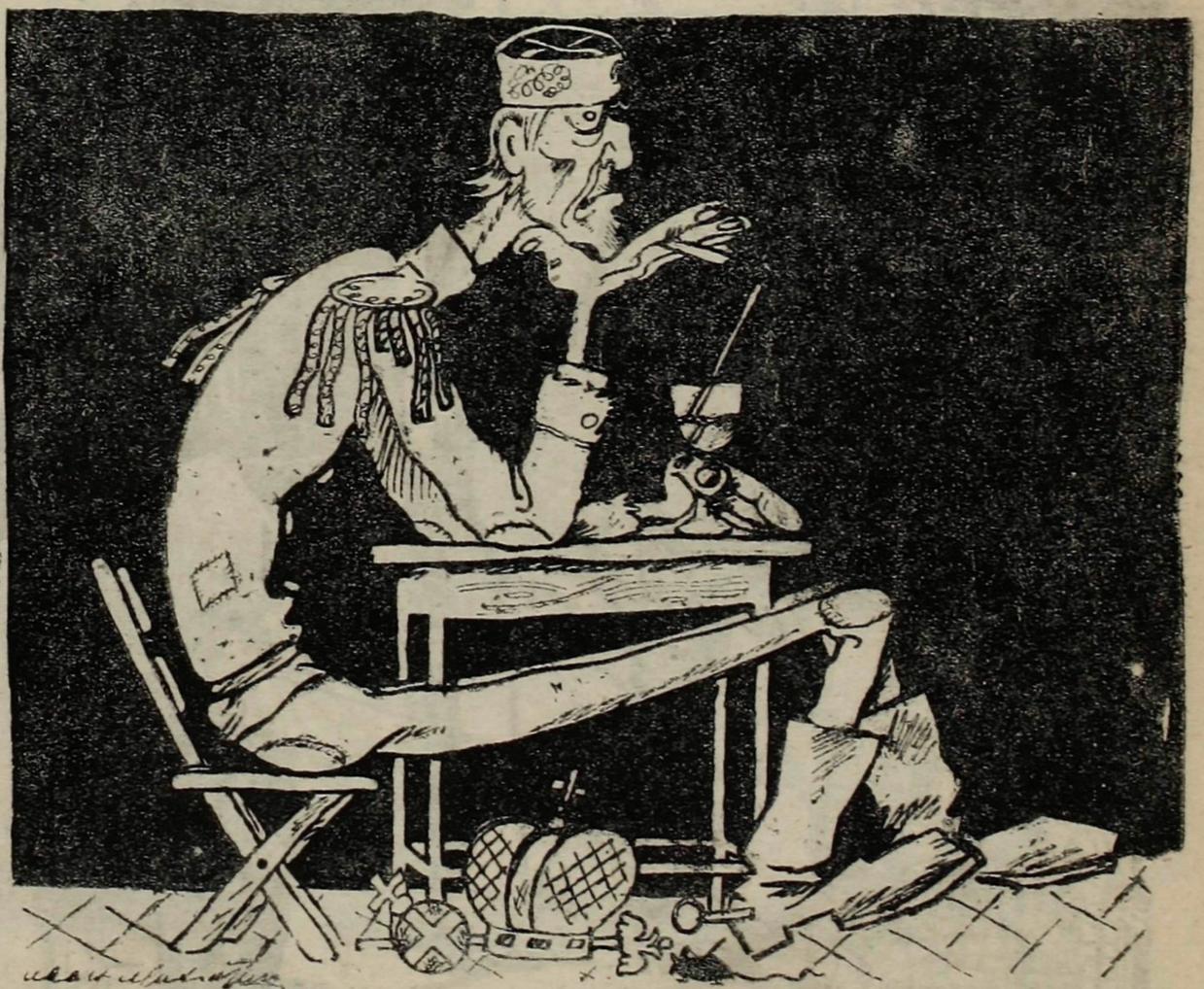
— Так ведь на человека ж, а не на букву, чужак-человек!..

Фу ты... Забыли совсем, что Крокодил — он Крокодил, а не человек. Как его подмазать? Не подмажешь!

Нин. Иванов.

МЕЧТЫ О ТРОНЕ.

Рис. Нв. Малюткина.

Николай Николаевич. — Мои агенты доносят, что весь русский народ собравшись на митинге, постановил послать за мной депутацию. Я так и знал, что заслуги дома Романовых народ не забудет....

Случай с председателем.

Председателю треста приснился сон. Будто сидит он у себя в кабинете при исполнении служебных обязанностей и нужно ему подписать какую-то бумажку. Взял он ручку, размахнулся и... вдруг на бумаге ясно и четко написалось:

+++

«Что за чертовщина? — подумал председатель треста. — Ведь так расписываются неграмотные, а я даже «Азбуку коммунизма» наизусть знаю».

И, кисло улыбувшись секретарю (дескать, я пошутил), председатель снова обмакнул перо в чернильницу. И снова на бумаге, где должна была стоять подпись председателя, выросли три жирных черных креста.

Тут только взглянул председатель на бумагу... и испугался. Холодный пот выступил на его лбу: на бумаге стояли длинными рядами черные, непонятные значки.

— Какого черта вы подсовываете мне эту китайскую грамоту! — закричал председатель, разом налившись кровью. — Что это за шуточки в государственном учреждении! На каком языке это написано?

— На русском... — испуганно пролепетал секретарь.

— Ну, прочтите, если на русском!

— Да я тоже неграмотный.

— «Тоже»... — мелькнуло в уме председателя: — «Тоже»... Значит и я неграмотный... Да, да... Конечно, так...

— Можете идти, — тихо сказал он секретарю. — И скажите, что я сегодня нездоров и никого не принимаю.

Едва за секретарем хлопнулась дверь, председатель схватил чистый лист бумаги и начал лихорадочно чертить свою фамилию. Но опять кроме:

+++

ничего не выходило.

И долго стоял председатель треста в задумчивости.

Рис. П. М.

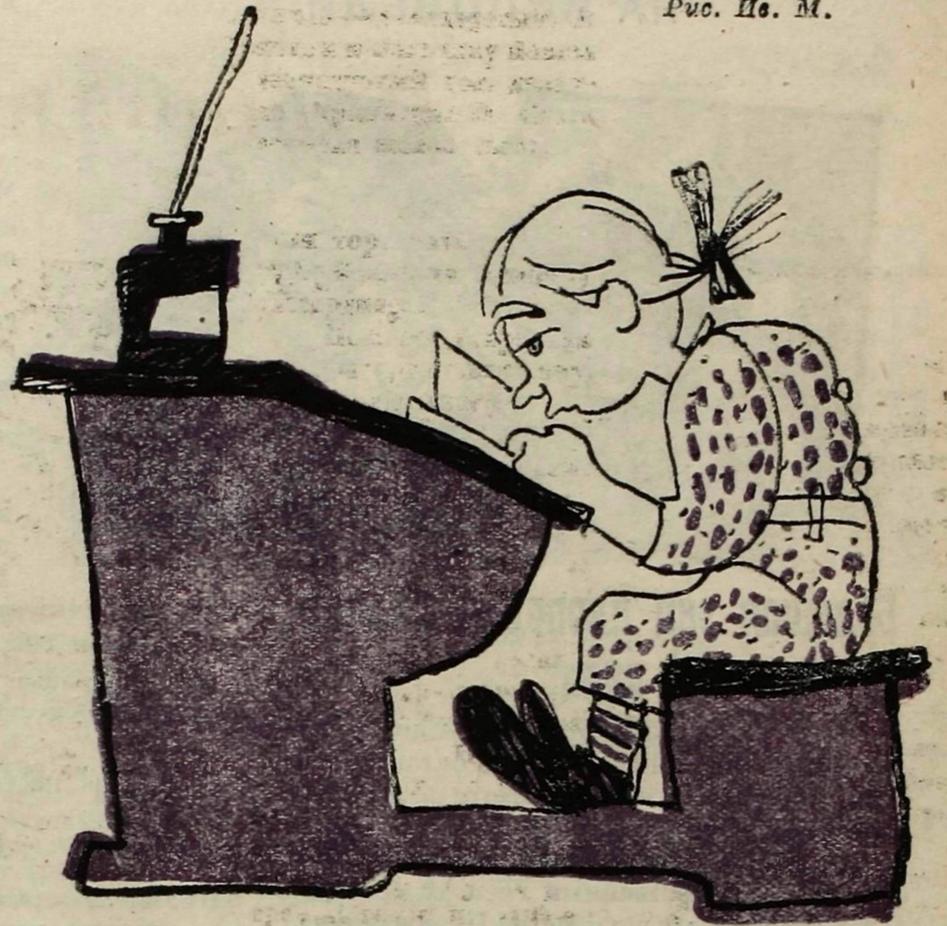

Рис. Д. Моора.

НОВАЯ СМЕНА.

Робочая молодежь смотрит в будущее глазами науки революционного марксизма. Ея взор направлен мимо мелкобуржуазных идеалов к новому курсу жизни — коммунизму.

Вдруг, точно кто ударил председателя колом по голове:

— Ведь сегодня баланс месячный сводят! Как же они то там?

И с этой мыслью председатель выбежал в бухгалтерию. Странная картина представилась его глазам. Главный бухгалтер красный и потный от натуги ползал по полу среди бесконечного количества маленьких деревянных кубиков. Часть этих кубиков была разложена по кучкам, другие лежали беспорядочной горой. Бухгалтер крепко держал правой рукой три пальца левой и сосредоточенно морщил брови.

— Ценнейший человек, — шепнул председателю откуда-то вынырнувший секретарь и указал на бухгалтера: — ценнейший работник; до пяти считать умеет. Видите кучки разложены — в каждой кучке пять кубиков. Вот он уже сделал пять кучек, сейчас их унесут, чтобы его не пугать. Он отметит мелом на стене и будет считать дальше. Каждый кубик равняется вот такой бумажке.

И секретарь вынул какую-то цветную бумажку. Еще вчера председатель сразу сказал бы, что это сто миллионов, но теперь на бумажке стояли те же непонятные значки...

Чтобы не мешать бухгалтеру, председатель вышел на цыпочках и...

проснулся!

Календарь со стены глядел знакомыми потертыми цифрами и, схватив лежащую на столе газету, председатель треста с удовольствием прочел вслух:

«Экономическая Жизнь».

И на душе стало сразу легко и радостно.

Утром на службе председатель треста говорил секретарю:

— Вчера приходил какой-то товарищ — на поддержку школ просил... Неделя помощи школе, что ли. Я так засуетился, что отказал ему. Так вы, пожалуйста, размыслите, куда это надо жертвовать. И попросите главного бухгалтера выписать деньги в срочном порядке. А сумму я сам определю. Школа — нужная вещь: не будет школы, так того и гляди председатели трестов будут — ха-хе! — неграмотные.

В. Нумач.

Большая перемена.

Рис. Из. Малютина.

В Житомирской губ. постановлено закрыть церкви и церковные помещения передать в ведение Соцбеза и Наркомпроса.
(Из газет).

— Чего вы звоните? Пожар что ли, или архирей приехал?
— Не видите, что у нас тут школа!.. Звоним на большую перемену.

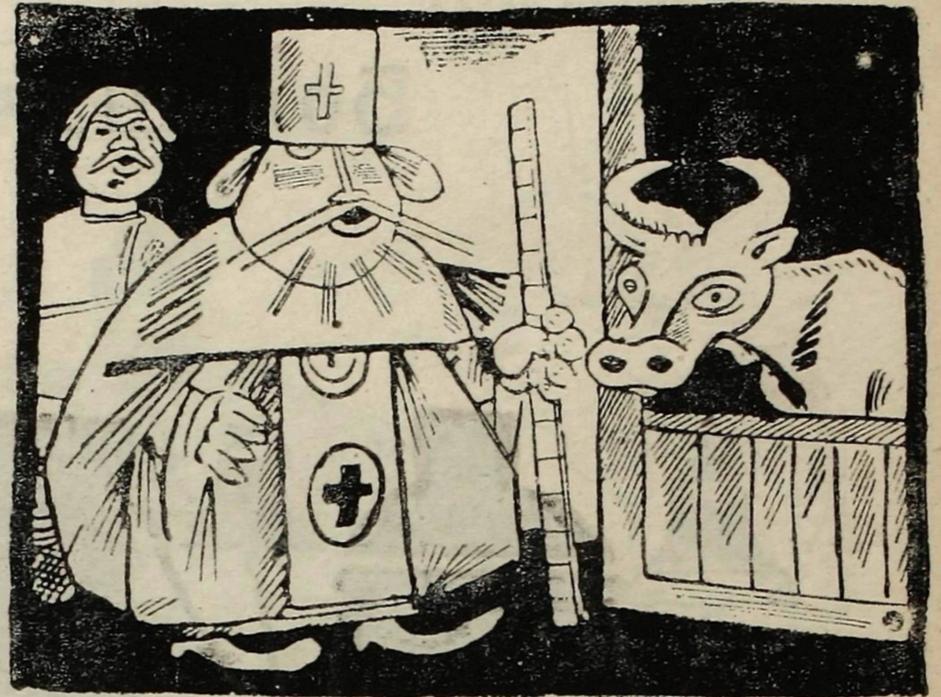

Рис. Ив. Малюткина.

Как мужик у всех в долгу остался и как потом со всеми расквитался.

Сказка Вас. Лебедева.

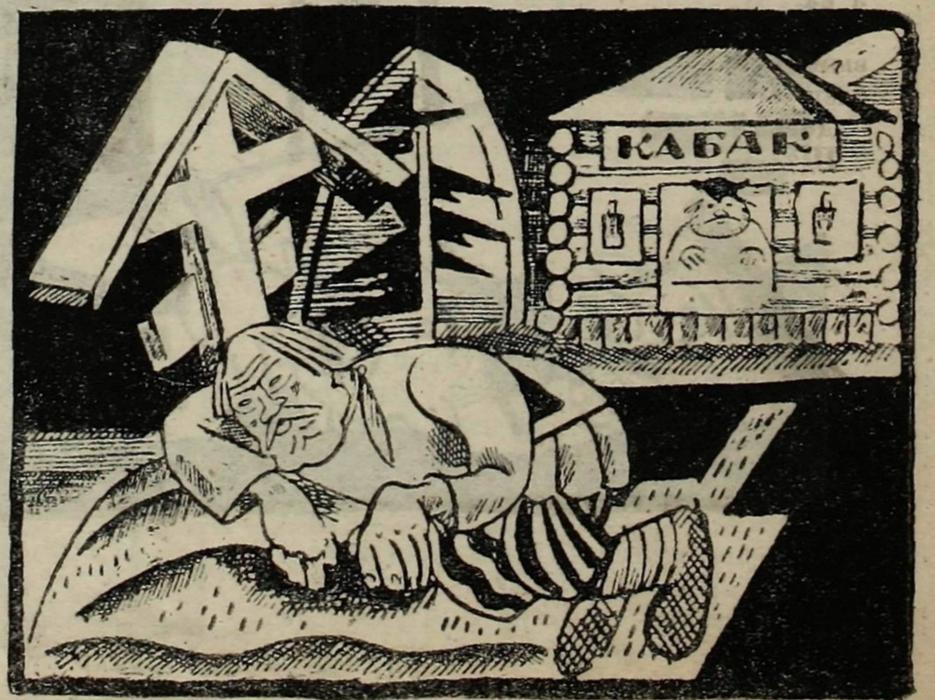
— Ну, кан,—думает,—взаправду
Делал я когда неправду
И меня на страшный суд,
Как умру, поволокут?!—
Видит Поп—Мужик трясется,—
Пуще ярится, клянётся,
Машет черным рунавом,
В нос тыкает перстом...
И когда, уставши речью,
Поп вздохнул, поднявши плечи,—
Заминаясь, словно пьян,
Сам не свой стоял Иван
Словно в осень лист осенний,
Бесперечь тряслись колени,
В глоткестрянули слова,
Выходило:—А...ва...ва...
Поп молчит, не двинет ухом.
Наконец, собравшись с духом:
—Не оставь меня, отец,
Без тебя пришел конец!—
Завопил Мужик с испугу!
—Попроси, уважь, будь другом,
Ты ведь в это дело вхож—
Все отдам, бери, что хочь!—
Поп, задравши нос повыше,
Молвит:—А!.. воды стал тише!
А не ты-ль меня честил?
Мне упреки возносил?
Мне—духовному отцу-то!—
—Ох, брости, знать, бес попутал,
Знаю сам я, грех велик,
Не гневись!—твердит Мужик.
Поп почванился немного,
Отшел, дошел до стога,
Повернул опять назад
Исказал на важный лад:

—Я, как пастырь, все прещая
И тебе я обещаю
Замолить твои грехи.
Как бы ни были лихи.
Но, конечно, за старанья
Десятину достоянья
Ты мне должен уделить,—
И не только ведь молить:
Нужно тоже и питаться,
Обуваться, одеваться.
Десятина—что?—Пустяк!—
Ну, да я из дружбы, тан...
Почесал Мужик затылок,
Да как вспомнил вдруг про вилы—
Согласился, и с Попом.
В тот же час вернулся в дом.
Поп, едва войти успели,
Мигом речь завел о деле:
Чтобы тут же и дележ.
Повздохал Мужик:—Ну-к что-ж?
Все едино: кинь ли—брось ли,—
Не теперь делить,—так после.—
Покрестился, меру взял
И Попа в амбар позвал.
Хлеб и снесь делились гладно,
Без заминки, без остатка,
Но, дошедши до скота,
Поп зас орил без креста:
—Разрежь—кричит—скотину,
И давай мне десятину!
Мне должна—кричит—попасть
От скотины каждой части!—
А Иван:—Господь с тобою:
Нешто можно для убою
Всю скотину отдавать,
Все хозяйство разорять?—

Но не хочет Поп и слушать,
Дураком Ивана пушит,
Хочет звать друзей на суд:
Пусть-де дело разберут.
—Что ж! Зови—Мужик смекает,
Пусть делиться помогают,
Хоть, видать, они плуты,
Все-ж посметливей, чем ты!—
А Кулак да с Чертом Барин
Уж давным давно в амбаре,
Мигом вышли и кричат:
—Что у вас нейдет на лад?
Рассказал им Поп для виду:
—Так и так, терплю обиду,
Бить Мужик не хочет скот,
Части мне не отдает!—
Барин вскинул кверху бровью,
Ровно илоп налился кровью,
Мужина по шее хватил!
И давай кричмя-кричать:
—Я тебя! Да ты! Да я-ста!
Засеку, сгною и баста!
Как ты смеешь, негодяй?
Мигом шапку скидайвай!
Рот Мужик было разинул,
Да взглянул—и шапку скинул:
Ровно солнце Барин стал,
Весь сермяк на нем пылал,
Брюхо в золоте и шапка,
Сзади золота охапка,
На портках и на плечах
И блестит—аж рябь в глазах.
Только харя со стекляшной,
Ровно грязная бумажка,
Да за зо отом Мужик
В это дело и не инн.

Барин снова хватил по шее:
—Эт-то что, брат, за затей
Ничего не продавать?
Что? Не хочешь? Замолчать!
Я хочу! Вот Тит Доелов
До тебя имеет дело,
Ну а мы пока с отцом
Скот пойдем делить вдвоем!—
С Кулаком Мужик остался.
Тот божился и ругался,
Клялся, Баринот грозил,
Словно в бочку в пузо бил
И купил пол-урожая,
Третью земли, да два сарая,
Да коня, да двух быков,
Да полдюжины корое.
Дал за все пяток червонцев:
Жаром пышут словно солны,
Только проку-то в них нет,
Окромя как желтый цвет.
Той порой и Барин с Батей
Все решили в аккурате
И Ивану от скота
Отделилось три хвоста.
Поп зацапал десятину,
Кулаку пришлось с пятину,
Остальное за оброк
Мигом Барин уволок.
Сыновья Ивана в ухо
Было дали Бате плюху,
Да Мужик потом в ногах
Навалаясь, просто страх!

Бозныть как все сразу случилось:
Поревела баба малость,

Осади назад!

Рис. М. Ч.

Что уж некого доить
И велела долго жить.
Стал Иван ходить угрюмый,
Туча тучей, с тяжкой думой,
За хозяйством не глядел,
Стал ругать я и худел.
Поп, отъевши туго брюхо,
Из семейства молодуху
В дом к себе переманил.
Барин портил баб и пил.
Мужиково видя горя,
На пригорье, на престоле
Расторопливый Кулак
Мигом выстроил кабан.
Пролил всю Иван холстину
И потом, согнувши спину,
К Кулаку в рванье ходил,
В долг полчашечки просил.
А Кулак на шутки падон:
— И с чего такой упадон?
Ты бы бога, грит, молил,
Чтоб тебе он пособил.
А Мужик:— Да как молить-то.
Зря не станет Пип служить-то—
А взаправду, может, бог,
Мне в беде-то бы помог.
— А ты в долг?— Кулак смеется
— Как же в долг?— Мужик замнется:
— Уж и Барину оброк
Не внесен, как надо, в срон!...

Вот и сказка рассказала,
Что запутал—развязалось,
А как дальше шло—о том
Расснажу я вам потом.

Конец первой части.

САМОСНАБЖЕНИЕ.

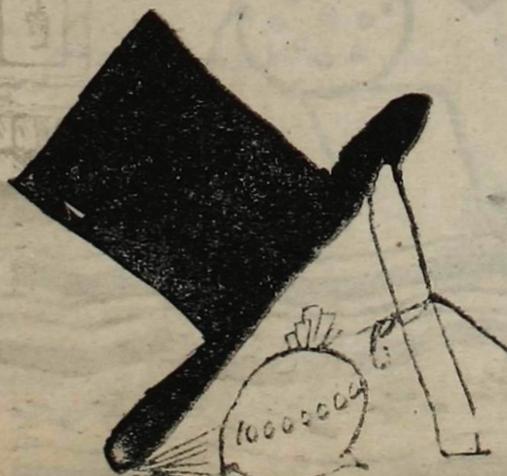
Пол Брюхан росту великого, дикого, голова патлатая, борода лопатую, нос дулеват, а глазщи раскосые...

В одной ручище кадило, в другой кропило, а на груди иконостас с лампадами.

Левым глазом Брюхан небо метет, правым землю обшаривает, с земли все огребает, в карманы сыпает.

Довольствуется.

Шел Брюхан по Расе и нашупал Филю.

Добро бы Филя был буржуй... Какое там, был Филя просто Филя, Филя—простофиля.

Брюхан орет:

—Как это ты, чадо-расчадо мое, по земле треплешься в таком виде, а?.. Ведь весь ты в грехах, ровно в грязи, вывалялся... Иди сюда живее... Дай-ка я тебя просведу.

И давай Филю охаживать: кадилом кадит, из кропила кропит, а сам все бубнит— „помилос, помелос!“..

Отчитал Брюхан, откадил и заканчивает:

—А теперь уплати, брат, по сему счету согласно таксе: „за окропление лимон (вода-то, чай, святая), за каждение пять (ладонь вон вздорожал... Сам знаешь—Антанта пакостит), за моление трижды три (потому как я спец), за освещение—десятку (воск поднялся в цене опять).“

Остался Филя с разинутым ртом, с раскрытыми глазами и раздумался:

„Грехи на мне, как блохи на собаке, разводятся... Нет никакой моей возможности приглашать чистильщиков— беспременно прохарчишься... Сем-ка я перейду на само-снабжение“.

Страшный чижик.

Рис. М. Ч.

Как грехов накопится—сходит Филя в баню, венником попарится, глядь и на душе полегче, опять работой неделю. В профсоюз на собрание сходит, „Рабочую Газету“ почитает, с „Крокодилом“ в кармане к товарищам идет—над попами, богом, царями, богачами вместе посмеется. И никаких грехов.

Встретился Филя с Брюханом. Филя и в ус не дует: распевает во всю глотку безо всякого внимания, на гармошке ваяривает. И совсем чиста, как стеклышко.

Обадел Брюхан окончательно: чудеса да и только!..

А Филя смеется:

—Теперь, батька, не то времена!.. Потому как перешел я на самоснабжение... В Ресе-фесере, чай, живу!.. А в ней я, батька ты мой, всему научился: сам себе швец и

Рис. П. М.

жвец и в дубу гред, сам за себя модезьщик, вместе со всем прочим трудовым народом.

А Брюхана в пот ударило.

Говорит:

—Как же я-то, чадушко?.. Ведь этак не годится!..

А Филя ноги пошире расставил, подбоченился, шапку на затылок сдвинул и сквозь зубы важно этак проговаривает:

—За сокращением штатов увольняю!..

К. Милль—Полярный.

О шкрабах.

Сказочка.

Жили-были два шкраба, оба сельские. Один был хитрый, а другой простак.

Получали бумажки из Наробраза...

Получили однажды табую: „собирать еловые шишки“.

Ну и собирали оба с ребятами.

— К чему эти шишки?..—спросил хитрого простак.

— А кто его знает!—ответил хитрый и подмигнул.

— И шишка вещь полезная, ежели человек с умом.

Простак согласно предписанию отвез шишки в уезд, а хитрый оставил у себя.

А там новая бумажка: „собирать репейное семя“.

Спросил простак хитрого шкраба:

— А зачем, товарищ, репейное семя?

Подмигнул хитряга:

— Ежели человек с умом, и репейное семя на пользу—репейное масло тоже и для волос полезно.

Отправил простак репейное семя в уезд, а хитрый шкраб оставил его у себя.

А за бумажкой бумажка летит, бумажка бумажку бумажкой погоняет.

Не опомнишься!..

„Конайте корни сусака!“

Не знали оба шкраба, что такое сусак, и призадумались. Призадумались, но вскоре одумались.

Простак нарыл с ребятами всяких корней и отправил в уезд, сказав:

— Не разберут, поди!..

А хитрый шкраб набрал корней одуванчика и оставил у себя.

Долго ли, коротко ли... Прошло три года.

Все еловые шишки, репейное семя и корни, отправленные простаком в уезд, сгнили на дворе Наробраза.

Долго ли, коротко ли, дождался хитрый шкраб изна. И когда закрыли его школу, все шишки, репейное семя и корни одуванчика хитрец отвез на базар в губернию, и на все нашел покупателя.

Н. М.

Рис. Д. Моора.

Пропавшая школа.

Сказочка.

1.

Жили-были мальчик да девочка. Мальчику было восемь лет, девочке девять. Захотелось им учиться. Вот мальчик говорит девочке:

— Айда, Дуня, учиться.

— Айда.

Надели сумочки, пошли. Шли-шли, пришли на то место, где школа стояла, а там нет ничего. Только чернильница лежит вверх дном. Поглядели мальчик с девочкой, сказали:

— На другое место перешла она.

Шли-шли, на другое место пришли, а там все место крапивою заросло: ни пройти, ни проехать. На заборе петух крыльями хлопает, песни поет. Пониже петуха курица сидит, песни слушает.

Вот мальчик говорит петуху:

— Петух, петух, где школа?

Хлопнул петух крыльями, рассердился.

— Какая тебе школа! Здесь представленья показывают.

2.

Пошел мальчику девятый год, девочке — десятый. А потом и мальчику пошел десятый год, девочке — одиннадцатый. Ходили они по темному лесу, искали пропавшую школу. Увидели — белка прыгает на дереве, спросили:

— Белка, белка, где школа?

Махнула белка хвостом, рассердилась.

— Не мешайте мне! Здесь танцевальные курсы.

Вот девочка говорит мальчику:

— Не найдем мы школу, Ваня, давай яблоками торговать.

А Ваня на девочку рассердился.

— Не хочу яблоками торговать, учиться хочу!

Дальше пошла.

3.

Шли-шли, увидели дом с крыльцом, крыша под жестью. На стене бумажка прилеплена. Раньше тут школа была. Обрадовались мальчик с девочкой, закричали:

— Вот она где!

Зашли на крыльцо, а на них медведь из дверей:

— Чего надо?

Вот мальчик говорит медведю:

— Учиться в школу пришли.

— Какая вам школа? Я здесь живу!

— А ты кто, дяденька?

Выворотил глаза медведь, рычит:

— Я лез-нах-ран-пред-вред-ком-вуз-муз-воз!

Испугались мальчик с девочкой, заплакали.

4.

Пошел мальчику одиннадцатый год, де-

жа-ло-ва-нье.

Обрадовались Ваня с Дуней.

— Нашли! Теперь и мы будем учиться. Зашли в школу, а в школе бревно лежит поперек. На бревно ребята пишут под диктовку угольными палочками:

— Ученье—свет, неученье—тьма.

Сели Ваня с Дуней на бревно, улыбаются.

— Теперь и мы маленько выучимся.

Дуня говорит:

— Ты, Ваня, не забывай: ученье—свет.

А Ваня Дуне шепчет:

— Сама-то помни: „Дядя-Лу-на. Ча-ра. На-ры. Ком. Про-со“.

Но тут учитель сказал:

— Дети, больше я не могу заниматься, силы нет. Запирайте школу, идите домой.

6.

Проснулись Ваня с Дуней, а кругом лестенный. Сидят они на бревне в темном лесу, плачут. А на дереве высоком филин носом долбит:

— „Ученье—свет, неученье—тьма“!

А. Неверов.

Рис. Д. Моора.

Преступление гражданки Нэн.

Не пустить гражданку Нэн в дом было никак нельзя. Но, пустив ее и оказав ей требовавшиеся обстоятельства внимание, мы никак не могли отделаться от неясного беспокойства:

— Ведь и держит себя в границах, и рассуждает вполне логично, а вот на по-ди... Все время такое чувство, будто что-то она слимонила!

Кто-то высказал ужаснувшее всех предположение:

— Уж не Азбуку ли Коммунизма?.. Мы азбуки... Но тревога оказалась неосновательной: Азбука Коммунизма была на месте и в неврикосновенности.

— А все таки взяла она что-то... Глаза у ней бегали. Кодекс законов о труде, может быть?..

— Цел кодекс: вот он, новехонький! Чего зря говорить!

— А Программа Партии дела?..

— Не сходите с ума. Полусме-новсховцы рашускают про Нэн всиную дичь, — и вы туда же?..

— Тут вот книжки лежали: Технологія, Политическая Экономия, Русская Фабрика, Тресты и Сивдыкаты...

— Все целы. Смотрите-ка: она еще «Развитие капитализма в России» сюда подложила! Вот ехидная!

— Ежели из ехидности это, то в р алась: книжка-то Владимир Ильичем написана. Но что же, все таки, сврнула у нас Нэн?..

Мы перебрали все. И, обнаружив, наконец, пронажу, успокоились:

— Букварь стилибонила, — только и всех делов... То-то, во что-то завертывала она образцами орехово-зубовской мануфактуры!

— Только Букварь? Ну, это не важно...

Случай, за множеством других дел, бывшими почти забыт.

По правде сказать, особенного значения мы ему и не придавали. Ну, что такое Букварь? И только потом...

У нас аж мороз по коже пошел, когда мы сообразили:

— Ведь понясте ли, товарищи, дело-то тут какое? Ведь, не зная букваря, нельзя прочесть ни Азбуки Коммунизма, ни Технологія, — никаких, вообще, руководств!..

Преступление гражданки Нэн оказалось несравненно более серьезным, чем думали мы вначале.

Хорошо, все таки, что мы во-время спохватились. Коммунистические Пинкертоньки, все грамотные и все неграмотные граждане, — караул!.. Полицейное гражданкой Нэн нужно вернуть немедленно и во что бы то ни стало!

Грамм.

Этот метод воспитания...

Рис. М. Ч.

Петькины доводы.

Гражданин Петька, оголец, проиграв согражданами «о притеснок» всю наличность, пострадал в неудачном бою за восстановление своих имуущественных прав — и по этому случаю ревел.

— То-то вот! — назидательно сказал я. — А уж большой ведь. Почему в школу не пошел?

Гражданин Петька прервал рева на самом интересном месте и тмуро созршил:

— Ну, да! Пойду я в школу, когда все перья пробул!

— Из-за этого неучем оставаться? Не было, брат, таких примеров в истории! Могу дать тебе, ужэ если на то пошло.

Но Петька сказал:

— Ладно. А бумага у меня есть?

— Дам и бумага. Чего там: на одном дворе, ведь, живем...

Но Петька презрительно прищурил левый глаз, сдвинул рот к левому угу, — и срезал меня новым вопросом:

— Ишь, какой приткий! А где я учебники возьму? Небось, за них лимонь сто надо выложить!

Мое положение стало еще хуже. Однако, я не признал себя побежденным.

— Ну, учебники!.. Хороший учитель, — он, брат, и без учебников справится!

Но Петька спросил:

— А где же его взять, хорошего-то? Которые влогие, так и те разбежались. Ты, что ль, замачишь хорошему?..

— Мм... — сказал я. — Конечно, оно, вообще-то говоря... Ну, а все-таки, мы пойми; на дворе голод, грязь, в школе — чисто, тепло...

Но Петька, давась он победного, язвительного места, чербил:

— Уме же ты в зров зупил? Те-сло-о!.. Какой ой согреватель!

— Смеяться тут нечего, — пробовал я постысить Петьку на точку. — Пусть голодно, но все-таки школа, это, как бы тебе сказать?.. Школа, она, брат...

— Заладил: школа да школа!.. А если совсем за крилась она? Школа-то наша? Поди-кося ты, по учишь!

Я это, собственно, вот к чему: помогите, граждане и товарищи, переспорить огольца Петьку!

Вик Иванов.

...не до сдать в архив.

ВИДАМИ В БОК.

(По газетным листам)

О девичьей чести и псковских литераторах.

В Торжке, Псковской губ. есть газета «Светоч». В день пятилетней годовщины Октябрьской Революции «Светоч» решил щегольнуть героическим стиховорением. И вот что получилось:

НАШ ПРИВЕТ.

Разбита мрачная темница
Труда, завода и гумна,
И Русь, как Красная Девица,
Вольна, прекрасна и умна.
Развратный капитал Европы
К ней алчное насилие применял,
Но в душу девицы не проложил он
тропы,
И чести девичьей у Руси не отнял...
Попрежнему она невинно-кротка,
Все тот же ум у ней обемлющий и
здравый,
И, словно как пустырь пред дев-
ственной дубравой,
Жалкз пред ней Французская Кокотка.
(„Светоч“ № 43 от 7/XI—22).

«Развратный Капитал Европы», не сумевши о нягь у красной девицы «чести девичьей» решил, очевидно, отнять разум у торожских стихотворцев. Насколько это ему удалось, можно судить по вышп. ивденному стиховорению. А мы со своей стороны добавим:

— У «Светоча» е ть дивные поэты,—
Они стихи строчат ногою правой,
И, сто но ка: пустырь пред дев-
ственной дуб авой,
Жалки пред нам все прочие газеты.

Но оказывается, торожские поэты могут писа ь не только о д вичьей чести. Они способны и на другое. Вот, например:

— Без колебаний и сомнений,
Рожденные в полуме битв,
Они шли поступью смелей,
Сияющие словно гранит.

Если чело автора этого с ихоть резия сияло от пота, когда он творил эти строки, то из этого еще нельзя делать вывода, что гр нит вообще сияет.

Ударные лозунги.

Провинциальные газеты любят щегольнуть у арными лозунгами. Некото ые я

этих лозунгов настолько ударны, что прочтв их человек долго не может претти в себя от изумления и восхищения.

Вот примеры:

«Борьба с семечками—борьба за культуру».
(„Крас. смена“ № 34 (48)—Минск).

«К советским урмам только тех, у кого руна не лоснятся от пота ближнего своего!»

(„Товарищ“ № 139—Вязьма).

«Газет мало, читайте их совместно, на вслух».
(„Беднота“—Дмитров).

«Продналог несет Советроссии мир и упрочение социалистического строительства в его соревновании с частно-экономическими отнолениями»
(„Карельская Коммуна“ № 217).

Про «ударные» лозунги можно сказать:—Ударь раз, ударь два, но ачем же до бесчувствия?
Вас. Лебедев.

АРХИВ „КРОКОДИЛА“.

Советский народный красный священник.

Вот документ из Черниговщины:

УДОСТОВЕРЕНИЕ У. С. С. Р.

Займище Сельский Совет
крестьян. и раб. депут.
Шимельск, вол. Городн. у.
Черниг. г.
18/X 1922 г. № 525.

Сим Сельсовет и комнезам удостоверяет, что священник Василий Владимиров Ярчук действительно идет навстречу комнезам в защиту беднейшему населению пролетариату, что доказано фактом при похоронах недавно убитого предкомнезама тов. Белика, как высказанная Ярчуковым речь за бедноту и т. д. и вообще ведет жизнь более в борьбе за право трудящихся, а также и пользуется популярностью по мнению нашему признаем, как Советского народного красного священника.

Ярчук гордится высоким «званием народного красного священника». На груди расы ярко алает красный бант.

— Подарок рабочих и крестьян, — с гордостью заявляет он.

Накануне 5-й годовщины Октябрьской революции Ярчук подал заявление епархиальному правлению Черниговщины следующего содержания.

«Вот и я, как сын бывший крепостных крестьян, мужик—пролетарий и крестьянин, по праву, данному мне низами, беднотой, моими меньшими братьями названный мало известным в Советской Летописи именем, Советский народный Красный священник (божьей милостью)—доложу вам, управлению,

ДОПРЫЖОК.

Приехал в Тверь по приглашению Политпросвета клоун Лазаренко и выпустил такую афишу:

ЧТО ПИШУТ

Нарком А. Луначарский А. Куприн и В. Каменский

о Виталии Лазаренко.

Прыгайте все выше дорогой друг, и допрыгайте до идеала и счастья.

Нарком А. Луначарский.

Дорогой друг Лазаренко! Смейся, прыгай, остри, паясничай Твой труд любит и чопорный партер, любит и шумная галерка, а больше всего любят дети, и черт побори, тех, кто твое искусство поставит ниже всякого другого—оно вечное.

А. Куприн.

Пригунствуй Яркий Лазаренко,
Рекорствуй в воздухе духач,
Летай, как легкая керенка
Анто Циркай, Центр-Смекач,
Бум-тра-ля-ля, бум-тра-ля-ля,
Подобно радуге венчальной

Всек опоясывай конруг
Ты будь для нас всегда встре-
чальный
И радостный и звонкий друг.
Тра-та-та, тра-та-та.
В. Каменский.

Р. Ц. с. Тверь № 434 Первая Государственная Типография. Тираж 5000 экз.

о моей просьбе: почтить—во мной единогласно по всей земли Черниговской, в день празднования народного объединенного энтузиазма по поводу добытой свободы—торжественным панихидным богослужением послодитургии за павших»...

Дошлый батя до того допрыгался, что подал заявление о желании вступить в комм. партию.

Хитры же долгогривые! Скоро с амвона резолюции Коминтерна по организационному вопросу возглашать будут, «святого Радека» чтение устроят. Лишь бы паства не ушла и доходишко был.

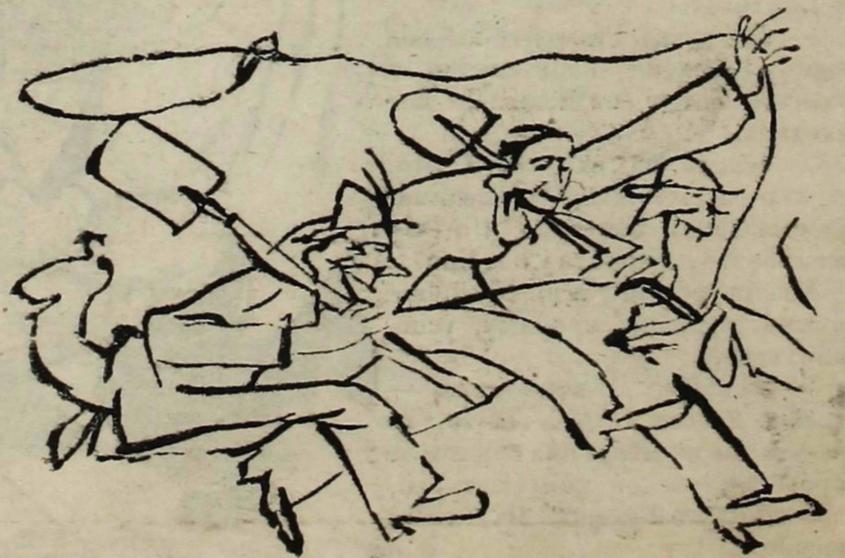
Держите ухо востро, Черниговцы!

Мууссолни отдал приказ повесить
го всех школах Ичанин кресты и
короля.
Из газет).

Приказ будет

Приказ об'является.

Рабочие бросились исполнять...

Страница читателя.

Вокруг выборов.

(Разговоры меньшевика с эсерами).

«Меньшевики и эсеры, встречаемые на избирательных собраниях нашими возгласами и негодующими взглядами, бегут от этих собраний».

- Были на собрании?
- Был.
- Говорили с избирателями?
- Говорил.
- Что вы сказали?
- Швейдару сказал: «пропусти, говорю, голубчик, как бы не побился!»

Меньшивик возвращается с собрания.

- Как дела?
- Великолепно!
- ?!
- Сколько пожеланий выслушал! Идите, говорят, с богом, скатертью, говорят, вам дорога!...
- Проще!
- Проще... Я, знаете, в задние ряды шмыгнул, да все по стенке, по стенке... Так до двери добрался—и прошел...

- Хорошо тебя на собрании встретили?
- Встретили—то что говорить—а вот проводила!!!.

- Ну как, наших выбирают?
- Везде выбирают! Выбирайте сь, говорят, по добру по здорovu!

— Выступали на собрании с речью?

- Что же—разве мне рот заткнешь! Я самому председателю на ухо шепнул: «голосуйте за эсеров!»

Бегеря.

Вести из Клинца.

Сообщаю „Крокодилу“ и газете новости наши клинцовские и заботы Клинцовского Сукнотреста. Трест отпускает своим рабочим, всем поголовно, по 4½ аршина сукна по августовским ценам, в рассрочку месяца на 2 или на 3. Рабочие были бы обеспечены на зиму, если бы клинцовский швейпром согласился поменьше брать с рабочих за шитье, а то берет уж больно дорого, дороже частных портных на 10—15%. Так что, имея сукно и вату, приходится сидеть без одежды, а о рассрочке и думать не приходится. Не предложит ли „Крокодилу“ сделать уступку и рассрочку клинцовским рабочим, за что рабочие будут благодарны.

С обувью еще хуже. Это вина профсоюза текстильщиков, что не подтолкает сукнотрест, который имеет в своем ведении кожаный завод и продавал на сторону кожу, забывая, что его рабочие ходят по морозу и мокроте на работу, не имея на ногах уже своей кожи, простуживаются и заболевают, принося этим убыток государству.

С топливом дела обстоят тоже не блестяще. Рабочим обещает Упрофбюро около 2 саж. дров по 1/2 саж., но это все только на словах, а на деле дрова с каждым днем дорожают, да их и нет, в виду запрещения торговли таковыми, и рабочим приходится или ночевать где-либо в лес, воровать, или сидеть без топлива. Упрофбюро, потропись! Ждем с дровами, зима на дворе!

Рабочий Троицкой мануфактуры.

Еще доводится до сведения „Крокодила“ следующее: получать газету приходится через два-три дня, это еще терпимо, но от 1 октября по 7-ое включительно совсем не получили ни одного номера „Крокодила“ и около 7 номеров газет. Рабочие уже зажурились, думая, что „Крокодил“ захворал, но числа 10 получили газетку и остальные номера газет, а „Крокодил“ пропал бесследно и только недавно наладилась немного доставка и с 2-го ноября получили уже № 10 „Крокодила“, а это уже считается сдаться чуть ли не аккуратно. Популярность же „Крокодила“ среди клинцовских рабочих огромна, и на ноябрь подписались на Троицкой ф-ке на 60—70% больше октябрьской, так что уже на 4 рабочих приходится одна газета.

Иван Маринин.

Почтовый ящик.

МОСКВА.

Рабочему Ля. Ваша нота все еще звучит не в тоне нашего журнала. Наблюдайте быт: это будет служить вам хорошим камертоном.

С. Спандарин. Для взрослых—ваш материал слишком детский, а для детей—черезчур взрослый.

Т. Ю. Маркину. Т. Маркин пишет:—Если поместите это—то поспешу прислать еще и скоро.

Присылайте. Материал используем.

Т. Н. Печужеву. У древних писателей было такое правило:—В немногом—многое. А у вас, очевидно, наоборот. Кое-что все таки используем.

Т. Андрееву. Т. Андреев пишет:—«Судьбу России Антанта не может решить без России. Сообщите Владимиру Ильичу», и подписывается:—«Пролетариат—Диктатор С. Андреев».

Правильно, т. Андреев! Владимир Ильич наверное согласится с Пролетариатом—Диктатором. Только надо ли ему сообщать?

Т. И. Лукашину. Ваше стихотворение к годовщине Октября мы получили в декабре. «Крокодил» хотя иногда и запаздывает, но не на такой же срок. Кто виноват: вы или почта?

Комсомольцу С. Новикову.—Рады были бы поместить, да тема не подходит.

Гознаковцу. Присылайте еще, материал используем.

Курсистке Сепиной. Тема то уж очень «духовитая». При случае заденем и ее.

Т. Н. Волкову. Т. Волков пишет такие вещи:

—Не пугайся.. спят все крепко;

Поцелуй-ка напослед.

На соломе кряхтит дедко.

Ов: идет сюда сосед!

А что бы было, если бы Крокодил пришел! Уж наверно вы таких стихов бы не писали, да и милой вашей досталось бы на орехи.

ПРОВИНЦИЯ.

Петроград—Т. Вольфсону. Если Петроград обидится, что мы помещаем его в отделе: «Провинция», то утешьте его тем, что вашу статью мы вообще не помещаем.

Казань—Ростовцову. Ведь это же чистое наказание; живете вы в Казани, а пишете про Мессопатамию. Пишите о местных казанских делах и фактах.

Село Майково Баф'у. Ваши загадки до того загадочны, что лучше уж их не помещать.

Козлов т. Мягкову. Вот что пишет т. Мягков:—Если ваш остракизм по отношению к моему письму не будет слишком острым—то оно будет напечатано в «Крокодиле».

Эх, т. Мягков! Иностранное слово вещь тонкая: загниешь его, ан оказывается, и не к месту! А все таки пишите еще. Можно.

14 Кавполк—т. Шишкову. Дайте взбучку вашему библиотекарю от имени «Крокодила».

Константиново—Дружковскому Райкому К. С. М. У. Материал используйте. Присылайте еще. Вилы у нас острые: дадим кому нужно. А как у вас с «Комсомольским Рождеством»?

Гор. Щотка, Ч рниг. губ. т. Карскому.—Посылаю тебе свой робкий писк—пишет т. Карский. Вот именно, что робкий! Не пищать надо, а кусаться. Пишите на местные темы.

Новозыбков—Т. П. Данилову. Материал используем при случае. Присылайте еще.

Брянск т. Ободинскому.—«Если можно, я бы постарался писать вой о чем»,—пишет т. Ободинский.

Если вы будете писать так же скверно, то лучше не надо.

Павлоград т. Ямайкину. т. Ямайкин пишет:—«Состоя сотрудником „Стружек“ и „Бича“, решил попытаться счастья и у вас».

При всем нашем глубоком почтении к „Бичам“ и прочим „Стружкам“, принуждены сделать вас несчастным.

Козмодемьянск, Маробласти, т. Маланкину.

—Шлю привет Крокодилу

И письмо в его корзину—

сообщает т. Маланкин. На этот раз угадал. Но раз на раз не приходится.

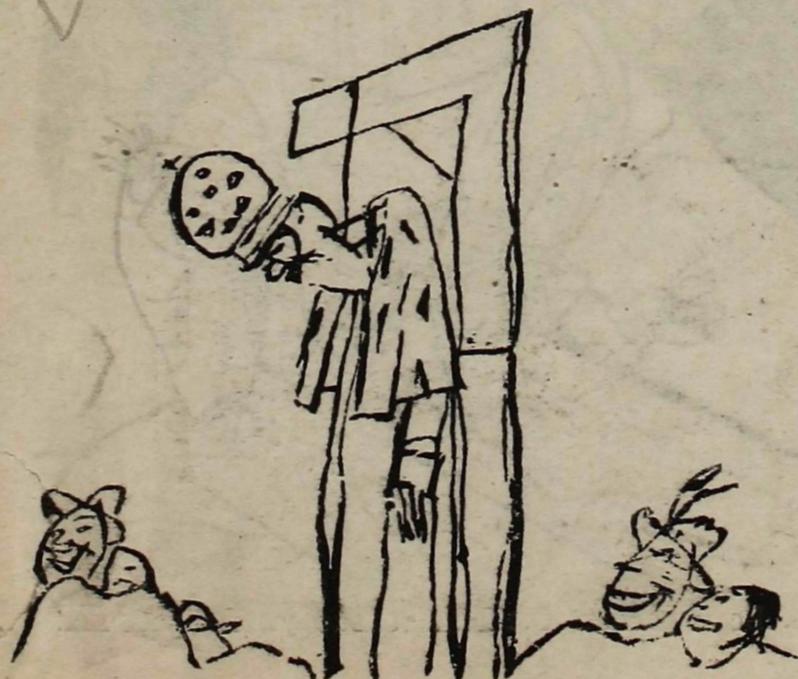
Дер. Филатовка, Орловской губ. т. Сышкову. Материал используем. Присылайте еще.

Славянск, Донецк, губ. т. Я. Евсееву. Пишите на местные темы.

Совхоз Елюзино, Моск. губ. т. П. Горячеву. О самомне написали вы очень дивно. Остальное используем. Ждем еще.

Рис. М. Черемных.

исполнен!

Повесили короля и...

...поставили крест.

ЖРОКОДИЛ

Первый штрейкбрехер.

Квартирники обувного производства, работающие на магазин Ракова находясь в безвыходном положении ввиду злостной эксплуатации со стороны хозяина, принуждены были объявить стачку.

Нашлись мерзавцы-штрейкбрехеры, которые поддерживают живоглота-хозяина. Своего брата рабочего они тем самым заставляют голодать. (Красн. Газета.)

Рис. Д. Моора.

Хозяин (бастующим)—Вы дураки! Не дам работы—с голоду сохнете. Всем расчет! Оставлю только умных рабочих!
Штрейкбрехер—Господин хозяин, посмотрите—я уже стал умный.